

К. И. ГАЛУЧИНСКИЙ

ВАРШАВСКИЕ
ГОЛУБИ

35.00.

1877

КОНСТАНТЫ ИЛЬДЕФОНС
ГАЛУНСКИЙ

В
ВАРШАВСКИЕ

ГОЛУБИ

СТИХИ

ПЕРЕВОД
С ПОЛЬСКОГО

Государственное Издательство
Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1962

И (Пол)
Г 16

Рисунки В. АНДРИЕНКОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Польского поэта Константы Ильдефонса Галчинского нередко называют волшебником. Все, что он видел, все, о чем потом рассказывал людям, словно от прикосновения волшебной палочки, преображалось, становилось значительным и прекрасным. Как и всякий большой поэт, Галчинский видел мир по-своему, открывал в нем новые, никем еще не замеченные черты и краски. А подлинное искусство никогда не оставляет людей равнодушными, и они, полюбив произведения писателя, невольно начинают смотреть на мир его глазами. Таким свойством обладало и поэтическое творчество Галчинского.

«Неизвестно как, неизвестно почему, самые разные люди, порой с самыми противоположными вкусами и характерами... стали смотреть на окружающий мир «по-галчински». Ветер звенел его стихами... а месяц через окно заглядывал в рукописи», — пишут в своих воспоминаниях о Галчинском польские поэты Анна Каменская и Ян Спевак.

Творчество Галчинского глубоко оптимистично. Поэт воспевает жизнь, природу, которую он глубоко

понимает, любит и чувствует, труд, создавший все лучшее на земле, искусство, рожденное трудом и служащее труду.

В стихотворном цикле «Песни» поэт так определяет сущность своего творчества:

Думаю, затем-то в мире
И живут стихи и песни,
Чтобы плыл рассвет все шире
В неделенном поднебесье.
Свет и в городе великом,
И в заброшенной деревне,—
Это Эос с гордым ликом,
Ликом труженицы древней¹.

Сравнение поэтического творчества с греческой богиней утренней зари для Галчинского не случайно. Его поэтическое творчество было удивительно светлым и ясным, оно все как бы пронизано солнечным светом. Жизнь этого замечательного поэта была подлинным служением искусству.

Константы Ильдефонс Галчинский родился в 1905 году, в семье железнодорожника. Во время первой мировой войны семья Галчинских эвакуировалась в Москву, где будущий поэт прожил несколько лет и с детства, овладев русским языком, полюбил русскую литературу. Впоследствии Галчинский немало занимался и переводами русской поэзии. Переводил стихи поэтов-декабристов, стихи Блока, а также произведения советских поэтов.

После окончания первой мировой войны Галчинский вместе с семьей возвращается на родину и поступает в Варшавский университет, где изучает английский язык и литературу, увлекается античной литературой, музыкой, изобразительным искусством, особенно искусством итальянского Возрождения.

---

¹ Стихи, цитируемые в предисловии, переведены Ю. Вронским.

Лирические стихи Галчинский начал писать рано, а в 1928 году выходит в свет и первое его значительное произведение: фантастическая повесть «Ослик Порфирион, или Клуб святотатцев», в которой поэт высмеивал косность и убожество мещанства.

В 1930 году напечатано другое крупное сатирическое произведение Галчинского — фантастическая поэма «Конец света». Сатирическое острие этой поэмы также направлено против старого мира, которому поэт предсказывает гибель.

В своих сатирических произведениях Галчинский высмеивает духовное убожество буржуазии, но общественные его идеалы в тридцатые годы были еще весьма туманны и неопределенны. Такой же неопределенный характер носили и его мечты о человеческом счастье. Поэт хочет увести людей в далекий мир, «где нет ни войны, ни денег», но туда можно добраться только в волшебных сапогах сказочного сапожника Шимона (стихотворение «Сапоги сапожника Шимона»). А в чудесную страну Фарляндию (стихотворение «Фарляндия») можно попасть только на крыльях поэтического вымысла. Поэт мечтает преобразить действительность волшебной силой искусства, но уже и в те годы все чаще и чаще убеждается в том, что его мечты несбыточны. В одном из ранних стихотворений Галчинского «На смерть бабочки» яркая, пестрая бабочка гибнет под колесами грузовика. Такая же угроза быть раздавленной нависла и над легкокрылой фантазией поэта, мечтавшего о сказочных странах человеческого счастья.

В резкое противоречие с реальной действительностью вступает и его представление о роли искусства и художника в общественной жизни. Галчинский всегда мечтал о том, чтобы служить своим творчеством людям, волшебством своего таланта скрасить их существование, и в ранних произведениях нередко называет себя магом, жонглером, фокусником, который забавляет и веселит народ, показывая толпе всевозможные фокусы. Но и эта мечта невольно вступает в противоречие с подлинным положением художника

в буржуазном обществе, с его изолированностью от народа; и жонглер Галчинского, веселящий и забавляющий толпу, того и гляди, погибнет, «как воробей зимой», от холода и голода, а толпе, в сущности, нет до него никакого дела.

С годами жизненный опыт поэта становится богаче и поэзия его приобретает все более конкретный характер. Стихи Галчинского по-прежнему сохраняют свой романтический, сказочный колорит, но сказочное и возвышенное все чаще дается им на фоне вполне реальной действительности, сказка вторгается в самую обычную будничную жизнь и учит людей мечтать.

С ростом интереса ко всему обычному, повседневному тесно связано и увлечение Галчинского «городским фольклором». Песенки шарманщиков, ремесленников, уличных торговцев привлекают пристальное внимание поэта, и язык городской толпы смело входит в его поэзию. Галчинский не боится примелькавшихся в поэтическом обиходе слов и умеет вернуть им прежнее очарование. Многие его стихотворения, написанные в тридцатые годы, а также и после второй мировой войны (как, например, стихотворение «Небо», опубликованное в нашем сборнике), стали популярными песнями.

В одном из своих ранних стихотворений поэт, сравнивая человеческую жизнь с жизнью и ростом дерева, писал:

Много мужества потребно человеку, чтобы в беды,
Чтобы в бури не согнуться и расти и ввысь и вглубь,
Чтобы кроной триумфальной зашуметь в конце, как дуб
Победы.

Много силы и мужества потребовалось и «живому дереву» поэзии Галчинского, прежде чем он сумел подняться на подлинные вершины поэзии.

Переломным этапом в жизни и творчестве Галчинского была война и последовавшие за ней собы-

тия — освобождение страны от фашистских захватчиков, строительство нового молодого государства.

Годы войны поэт провел в заключении, в лагере для военнопленных в немецком городе Магдебурге, и лишь после долгих скитаний и многолетней разлуки Галчинский снова возвращается на родину.

Поэта увлекла романтика возрождения страны из развалин; новое будущее родины, строящей социализм, было неотделимо от его собственной судьбы. Галчинский сразу же оказался в самом центре борьбы нового со старым и порой с быстротой репортера откликался на то или иное событие. В послевоенные годы у него наладилась тесная связь с читателями, о которой он мечтал всю жизнь.

Большое общественное звучание получили и его сатирические произведения. Каждую неделю в популярном журнале «Пшекруй» («Обозрение») печатались театральные миниатюры поэта, под общим названием театр «Зеленый гусь». Театр этот, правда, существовал лишь в воображении поэта, но впоследствии некоторые из его маленьких пьес и в самом деле были поставлены на сцене. В том же журнале печатались и фельетоны поэта под рубрикой «Письма с фиалкой». Поэт разоблачает узость и ограниченность мещанской интеллигенции, высмеивает бюрократов, лодырей, саботажников. Против всех и всяческих проявлений реакции и буржуазных пережитков была направлена также сатирическая поэма Галчинского «Путешествие Хризостома Бульвеция в Темноград», в которой он высмеивал всевозможные предрассудки, страх перед всем новым и бесконечную глупость жителей некоего города Темнограда.

Во многих написанных теперь стихотворениях Галчинский как бы невольно подводит итоги пройденного пути, сопоставляет прошлое и настоящее в своей жизни и в судьбах родины. Таковы стихотворения «Перед Мавзолеем Ленина», «Обручальные кольца», написанные Галчинским под непосредственным впечатлением от поездки в 1948 году в Москву на Октябрьские торжества, и многие, многие другие. Знаменательным

является и сам факт, что почти все наиболее значительные произведения Галчинского были написаны им за последние семь лет жизни, то есть в Народной Польше.

Поэт, всегда так горячо мечтавший о счастье всех людей, не мог остаться в стороне и от борьбы народов за мир. В 1950 году на Всемирном конгрессе сторонников мира в Варшаве громко и торжественно, как клятва, как призыв, звучат слова из его неоконченной поэмы о мире, которую он читает собравшимся в зале поэтам и писателям всех стран.

По-иному понимает теперь Галчинский и роль поэзии и искусства. Он мечтает, что наступит такое время, когда поэзия станет людям так же необходима, как хлеб, а искусство — в его теперешнем представлении — это то, «что остается вечно и помогает людям в борьбе за справедливость, в борьбе за мир».

Поэт немало размышляет о внутреннем родстве самых различных видов искусства. Композиторы Бах и Бетховен, датский писатель-сказочник Ганс-Христиан Андерсен, актеры, скульпторы, художники различных эпох и веков — все это близкие друзья поэта. Но и произведения Галчинского о людях и событиях прошлого всегда обращены к современности. Так, например, в поэме о замечательном польском скульпторе XV века Вите Ствоше поэт делится с читателями своими раздумьями о творчестве как о вечной борьбе за совершенство и создает выразительный образ художника, человека из народа, в творениях которого, даже когда он создает скульптурное оформление костела, «гораздо больше земли, чем неба». «Если бы Ствош жил в наши дни, — полушутливо замечает Галчинский, — он запечатлел бы в своих творениях монтеров и шоферов».

Мечтатель и романтик, Галчинский в своем творчестве никогда не отрывается от реальной жизни.

А. Блок, который был одним из любимых поэтов Галчинского, писал о романтизме, как о чувстве души, «которая помолодела; взглянула на мир по-новому, потряслась связью с ним, прониклась трепетом, трево-

гой, тайным жаром. . .» Эти слова в полной мере могут быть отнесены и к творчеству Галчинского, сущность которого лучше всего определил он сам, когда, обращаясь к читателям, писал:

Вы простите, люди, если
В песнях дал я слишком мало.
И простите, если песни
Нес не те, что надлежало.

И что в них красот избыток —
Птиц, лесов. И что несметно
Бахов, свечек, лун забытых,
Звезд и всяческого света.

Что ж, люблю я свет. Немало
Света в мир несет искусство.
Если б сил моих достало,
Стал бы мир единой люстрой.

Горячо любя жизнь, он обладал редким даром — умением увидеть что-то необычное, а порой и сказочное в самых, казалось бы, заурядных вещах и явлениях. Так, в стихотворении «Необычайное происшествие» месяц, «чудак серебристоухий», заходит в самый обычный магазин, чтобы купить себе шляпу. Картонные соловьи в сатирической басне о соловьях сердито бранят дождь; псу, в стихотворении «Сон пса», снится сон, что коровы, пасущиеся на лугу, — это сосиски; а осенью (в стихотворении «Ольштынская хроника») златоногое лето уносит птиц и листья в чемодане.

В лучших его стихах — чудесный сплав лирики и сатиры, сказочного и реального. Поэт стремится показать жизнь во всем ее многообразии, показать всю радость и всю боль, соткать для своих героев «плащ из множества нитей». В творчестве Галчинского как бы звучат одновременно различные голоса, и порой его стихи кажутся несколько сложными. Но это слож-

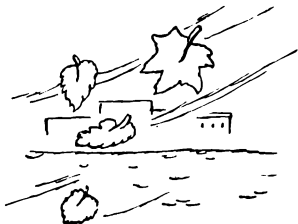

ность симфонии, сложность, порожденная богатством мыслей и чувств. Не случайно, что Галчинский, которого критики нередко называли «сложным поэтом», был горячо принят читателями, и стихи его выдержали самую трудную проверку — проверку временем.

«Галчинский жив в народе, — пишет о нем польский писатель Войцех Жукровский. — Мы стали свидетелями удивительного явления: значение его творчества все растет и растет. Книги Галчинского покупают люди, которые прежде никогда не читали стихов... О нем говорят — наш поэт».

В своих знаменитых «Песнях», созданных незадолго до смерти (Галчинский умер в декабре 1953 года), тяжелобольной поэт говорит о том, что ему хотелось бы «уберечь от забвения» свой след на дорогах жизни. Мечта Галчинского сбылась.

Г. Языкова

ВАРШАВА

Пусть моря-океаны
И прекрасные страны
Пред тобою встают
Величаво,
Но она вдруг поманит —
И глаза затуманит,
И зовешь, как ребенок:
Варшава!

В день осенний и мгlistый
Ляжет лист золотистый
На гранит парапета
Шершавый,
Зябкой зыбью по Висле

Побегут твои мысли —
И пленен ты навеки
Варшавой.

Все прошедший, единый
Щит наш непобедимый,
Наша гордость и верность
И слава!
Мы нежны и суровы,
И на все мы готовы
Для тебя, дорогая
Варшава!

ОЛЬШТЫНСКАЯ ХРОНИКА¹

И вечно светит лето в моем царстве.
(Шекспир. «Сон в летнюю ночь»)

Желтое камыш на озерах,
И явственней каждый шорох —
Пора златоногому лету
В путь отправляться по свету.

Неужто бессильно слово,
Неужто в свои скитанья

---

¹ Это стихотворение, так же как и многие другие произведения, созданные Галчинским в последние годы жизни, было написано им на Мазурских озерах, в лесной сторожке Пране.

И зелень и птиц ты снова
Уносишь в своем чемодане?

Что тебе эта дорога?
Лето, помедли немного!

* * *

Даже и в вечер ненастный
На озере все же прекрасно.
Входит лесничий с лампой,
Сладок свет ее слабый.
От ламп керосиновых в комнатах
Сумерки и сердечность.
А тени рогов оленьих
Тянутся в бесконечность.
Лают собаки.
Полночь трубят часы.
А тучи несутся по небу,
Как огромные гончие псы.
Пчелы спят.
Только плещет о берег
Вода неустанно.
И нам снится охота,
Озера, олени, поляны.

* * *

Утром солнце, утром теплынь,
В воду, скорее в воду!
Кто это за ночь такую синь
Разлил по всему небосводу?

Где-то дятел стучит, одиночек.
Всплески рыбы у самых ног.
Мы бросаемся в воду, как дети,
И плывем на берег далекий,
Где играет смеющийся ветер
На зеленых струнах осоки.

* * *

А в тех борах ольштынских
Мы побродили на славу,
На тех горах ольштынских
Всё сосняки да дубравы.
Радуга мост воздвигает.
Тропка по круче сбегает.
Совы ухают глухо.
Плачет комар возле уха.
Днем синева смеется,
Ночью все небо в звездах,
Звезды падают в гнезда,
Звездами полон воздух.

* * *

Всех бесед
Камыша и осоки
И всех шепотов
Сосен высоких,
Всех летящих
Листков тополиных,
Всех дрожащих
На солнце пылинок,
Всех шмелей,
Всех цветов и травинок,

Всех зверей,
Всех дорог и тропинок,

Всей росы,
Всех кустов краснотала, —
Дорогие,
Мне этого мало.
Я б хотел еще больше деревьев,
Полных птичьими голосами,
Больше волн, облаков, созвездий
И туманов к ясной погоде
И, обняв это все руками
И коснувшись всего устами,
Так уйти, как солнце уходит.

* * *

День допылал языками закатными,
Месяц повис над березкой.
Видишь?
Катится ночь, как повозка
С сельскими музыкантами.

Совы на лбах лошадиных сидят.
Кнут колышется. Лошади мчат.

Эй, смычок,
Тишины наваждение
В этих залах лесных разори!
Будут здесь кабаны да олени
Танцевать до самой зари.

* * *

Ночь разлилась широко
Морем без дна и края,
Рога серебра коровам,
Дранку крыш озаряя,
В детские сны бросая
Яблоки райского сада,
Кружит в лугах, босая,
Пляскам и песням рада,
В окна смычком стучится,
На озеро зазывая,
Чтоб плыл
И чтоб песни плыли
Морем без дна и края.

* * *

Тут о стольком надо рассказать бы —
Никаких, пожалуй, слов не хватит:
О грибах, о журавлиной свадьбе,
О лугах в зеленом бальном платье,
О ручьином с переливом перезвонце,
О грачином сиротливом грае
И о том, какие штуки солнце
Учиняет, красками играя;

Входишь в лес, а лето входит в осень, —
Восемьдесят лет тебе иль восемь?
Смотришь в этот лес, как будто в сказку,
Трешь глаза в чудесном ослепленье,
Лес тебе дарует исцеленье,
Мох кладет на сердце как повязку.

* * *

Заливаются псы вдалеке,
На озере зыбь голубая.
Я пишу стихи на песке,
В месяц перо макая.

* * *

Эх, расшумелся дождь!
Травам и листьям радость.
Счастливый, счастливый дождь,
Может досыта падать!
Яблоки, точно младенцы,
Дивятся, как листья никнут.
Подбрось-ка в камин полене
И дай мне хорошую книгу.

* * *

Там, от озера к югу,
Гром далекий грохочет,
Дождь по мокрому лугу,
Как солдаты, топочет.
Никнут листья тяжелые.
Дятел спрятался где-то.
И валяются желуди,
Ливнем смытые с веток.

* * *

С ульев вода стекает.
Пахнет порой осенней.
Гей, дождь по полям гуляет,
Нет у него огорчений!

Вымокли бороды елок.
Гром громыхает властно.
Но век ненастья недолг:
Завтра опять ясно.

* * *

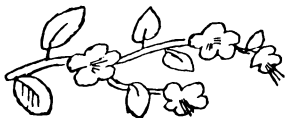
Завтра снова мы станем
В дали далекие плавать,
К новой роще пристанем,
Откроем новую заводь.
Новых рыб отыщем в озерах,
Звезды новые в небе поймает,
Поплывем в те края, где небо
Водной глади касается краем.
Новых птиц и зверей откроем,
Земли новые, новые воды
И услышим, как бьется большое
Зеленое сердце природы.

* * *

Солнце склоняется долу.
Прохладу струит поднебесье.
Запалим мы костер веселый,
Запоем веселые песни.

Искорки песен кружат,
И, звездных высот достигая,
Светятся тысячелетья.

Первая песня о дружбе.
О верности долгу — другая.
И об отчизне — третья.

ИДУТ ДЕТИ

По Земле шагают дети —
Сколько их на белом свете!
Сколько слышно песен детских
Польских, чешских и советских!

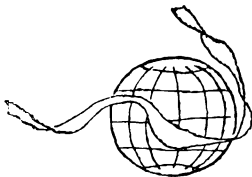
Это мы поем, шагая,
Перед нами мир без края,
И смешался в поднебесье
Гром работы с гулом песни.

Труд наш песню зажигает,
Песня путь нам освещает —
Мы над всей Землей развесим
Огоньки веселых песен!

Трудных дел для дружных нету!
Обойдем мы всю планету.
Если мы преграду встретим,
То помогут дети детям.

Сколько слышно песен детских
Датских, шведских и советских,
Польских, ганских и испанских,
Европейских, африканских!

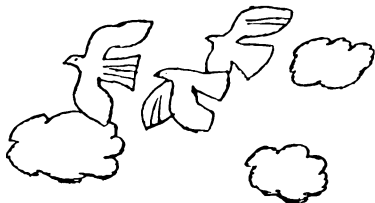
Труд наш песню зажигает,
Песня путь нам освещает —
Мы над всей Землей развесим
Огоньки веселых песен!

ПЕРЕД МАВЗОЛЕЕМ ЛЕНИНА

Этот день я вижу снова и снова,
Я вовек не забуду об этом дне.
На Красной площади — ветер суровый,
На Красной площади — снег.
Помню, закатного солнца сиянье
Мавзолеем озаряло тогда.
Грешник, я после долгих блужданий
Добрел наконец сюда.

Сколько траурных гимнов должно быть
пропето!
И пусть трубы гремят — еще траур глубок
По нем, передвинувшем центр планеты
Пролетарскою волею на Восток.
Буду сильным — клянусь я над гробом его,
Превращу перо в луч, разгоняющий тени.
Новый век начался. А два слога всего:
ЛЕНИН

ВАРШАВСКИЕ ГОЛУБИ

Пусть Венеция славится
Голубиными стаями
В небесах над Сан-Марко!

Ведь варшавские голуби
Блещут в небе крылами
Еще более ярко.

Славлю, Город, тебя,
Город славлю во здравье,
И сентябрь именинный,

И твоих голубей
В голубой вышине,
Их полет голубиный.

Тех, с варшавских бульваров,
Со Старувки, с Розбрата;

С Вильчей, Кручей и Хожей¹,
Мир несущих земле,
Стаей мчащих к закату
Над Варшавой погожей.

Вам, варшавские голуби,
Птицы счастья, несу
Я стихов моих ворох,
Я писал их пером
Под зеленым шатром
На мазурских озерах.

* * *

Когда вражья бомба обрушила дом
И стены на воздух взлетели,
Остался голубь, как верный страж,
Голубь, укрывшийся в щели.

А когда обломал свои зубы враг,
Когда отгрохали мины,
Город встал из развалин и вновь
Шумит крылом голубиным.

Советские люди спасли весь свет
От черной фашистской ночи,
Глянь: над Старувкой ветер летит,
Вместе со стаей хлопочет.

Глянь: это птица мира — вверху,
Над деревом и над школой.
Слышишь: хлопают крылья! Шумит
Варшавский голубь веселый!

---

¹ Названия улиц и районов Варшавы.

АСТУРИЯ

Астурия, моя далекая,
Испанская любовь моя.
Я астурийской звездной ночью
Еще вернусь в твои края.

Вернусь в твой вереск,
и, если в сердце
Мне вражья пуля попадет,
Мой красный флаг возьмет товарищ —
На башню все равно взойдет.

Мы кровью смоем казематы,
Врага оружием поразим,
Освободим твои просторы,
Астурию освободим.

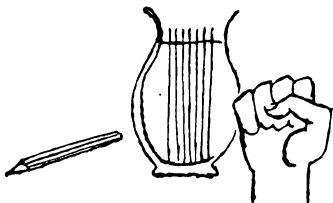
Край роз и звезд, моя Астурия,
Астурия, любовь моя,

Мы возвратим тебе свободу
И мир вернем в твои края.

Вернусь в твой вереск,
и, если в сердце
Мне вражья пуля попадет,
Мой красный флаг возьмет товарищ —
На башню все равно взойдет.

Мы кровью смоем казематы,
Врага оружием поразим,
Освободим твои просторы,
Астурию освободим.

ПРИЗЫВ, ЛЕТАЩИЙ ПО СВЕТУ

(Отрывок из неоконченной повмы о мире)

... Еще и еще раз:
Редчайшая из всех звезд,
И широчайшие из всех дверей,
И светлейший из всех фонарей,
Наипрекраснейшая из всех рек,
Что будет течь из века в век,
Наисильнейшая из всех рук,
Наимудрейшая из всех наук,
Наизвончайшая из всех нот,
Что словно сплетенье звезд поет,
И плакаты, плакаты, а также эти
Призывы, идущие по планете,

Кулаки грузчиков, поэтов карандаши,
И голос матери, зовущий от души,
Большие глаза малых детей
Среди песенок и вступительных статей,
И эта лампа на столе,

и голос в эфире:

«Говорит Щецин!» — и самое в мире
Твое заветнейшее, самое глубинное,
И голуби, голуби голубиные,
И песнями плывущие транспаранты,
Через континенты, через горизонты,
И самая возвышенная из всех лир.
Покуй.

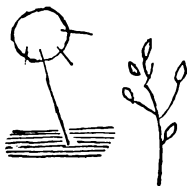
Пэ.

Дер Фриде¹.

Мир.

---

¹ Так звучит слово «мир» по-польски, по-французски и по-немецки.

ДЕВОЧКА

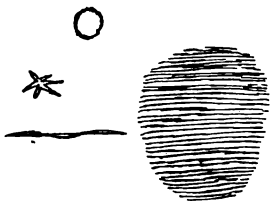
Один балкон навеки я запомнил...
Стоял апрель. И с самого утра
Слепящим светом он весь мир заполнил
И ароматом напоил ветра.

И на балконе и на небосклоне
Подмел все тени тот апрельский день.
Но все ж одна осталась на балконе
С зелеными глазами тень.

То девочка была. Язык немеет
Пред ужасом, что ею пережит.
Она еще смеяться не умеет
И часто по ночам кричит.

Дитя. Цветок, что рос в укрытье где-то.
Сверчок, таившийся в глухой щели.
Ее родные — все погибли в гетто,
Когда, вот так же, дни весны цвели.

Теперь ведь хорошо тебе, родная?
Опять вернулись запахи к цветам...
Но сам я тоже ад фашистский знаю
И с криком просыпаюсь по ночам.

РЕКВИЕМ ЛИ?

Заглавие это фальшиво —
Могилы взывают к людям:
— Мы не уснем спокойно.
Доколе не кончатся войны,
Дотоле мы спать не будем.
Нас Ахерон¹ не примет,
Доколе бушуют войны,
Пока вы еще в дороге.

---

¹ В греческой мифологии одна из семи рек преисподней, река вечных страданий, которую должны переплыть души умерших.

Ночь нам всегда поможет,
Лунными ночами
Мы, мертвые, словно рыбы,
Плывем из могил. За вами
В дома заплываем, в совесть,
В самую боль, в самый корень;
И смерть шумит высоко,
Как лес, как ветер, как море.
Мы с вас одеяло стянем:
Что же вы дома сидите!
В глаза вам, братья, плюнем,
Если вы нас предадите.
Если вы нас недостойны
И страх допустили в души —
Не будете жить спокойно,
Мор ваших детей задушит.
Слушайте, европейцы,
Слушайте голос Варшавы:
Места нет колебаниям,
Жизни нет для слабых.
Лавры — смелых венчают.
Битвы за мир — суровы.
Видите — землю качает!
Это погибших зовы.
Мы, мертвецы, — с вами.
За вас, живые, и с вами.
Сталинград и Варшава
Светят, как звезды, ночами.

* * *

Нам не нужно симфоний,
Реквиема и кадила,

Для этого нынче не время —
Живому отдайте силы.
Скоро весть о счастье
Вспыхнет над нашей планетой.
Мертвым — Великий Реквием,
Живым — Великий отдых.

ДВЕ ГИТАРЫ

За стеной две гитары
Вместе вдруг заиграли,
А одна — трень да трень,
А другая — дон-дон,
Та запела про Вислу,
А другая про Волгу,
И похожи гитары,
Как ладонь на ладонь.

За стеной две гитары
Разом заговорили,
Эта славил Вавель,
Та вела о Кремле,
Та — о красном и белом,

А другая — о красном,
Эта пела о Польше,
Та — о русской земле.

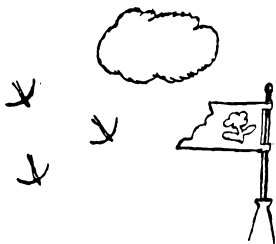
Эх, распелись гитары,
Потекли через бреги,
Дисканта — про березу,
Баритоны — про клен,
Что... Адам с Александром...¹
Что «Фарис»...² и «Онегин»,
Та же грусть, та же тайна,
Тех же струн перезвон.

Говорили гитары,
А в углу в колыбели
Спал ребенок, а в печке
Огонек подпевал.
Два влюбленных в беседке
О колечке мечтали.
Светлый месяц на небе
Тихо носом клевал.

---

¹ Здесь автор имеет в виду Адама Мицкевича и А. С. Пушкина.

² Известное произведение А. Мицкевича.

НЫНЧЕ РАДОСТЬ В ВАРШАВЕ

Журналисты газетам,
Крышам флюгер скрипучий,
Машинисты поэтам,
Тучи на небе тучам,

Ветер на ухо ветру,
Птицы радостно птицам —
И повсюду известно,
Что случилось в столице.

Нынче радость в Варшаве —
Старе Място¹ на месте.
Просто трудно поверить,
Превосходные вести!

Все, как было когда-то:
Площадь, месяц и крыши,
Все, как прежде, все то же,
Только ярче, пригожей.

* * *

В славный праздник июльский
Под старинным окошком
Мы с женою и дочкой
Помечтаем немножко.

Брызнут в небо ракеты,
Вспыхнут слева и справа,
И на площадь, на площадь
Выйдет в танце Варшава.

Нынче радость в Варшаве —
Старе Място на месте.
Просто трудно поверить,
Превосходные вести!

Все, как было когда-то:
Площадь, месяц и крыши,

---

¹ Старинный район Варшавы, полностью разрушенный фашистами. Теперь он восстановлен в прежнем виде.

Все, как прежде, все то же,
Только ярче, пригожей.

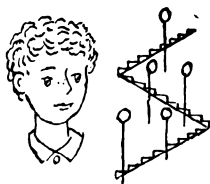
* * *

Под июльской листвою
Вместе с человеком рабочим
Я на площади старой
Пропляшу до полночи.

И сложу много песен
Нашей Польше во славу,
Для тебя, Старе Место,
И для новой Варшавы.

Нынче радость в Варшаве —
Старе Место на месте.
Просто трудно поверить,
Превосходные вести!

Все, как было когда-то:
Площадь, месяц и крыши,
Все, как прежде, все то же,
Только ярче, пригожей.

ЛЕСТНИЦА

— Мама! — Ясь обратился к маме. —
На что же это похоже,
Бродишь по улице целыми днями,
И всюду одно и то же.

Выйдешь, и даже лестница та же.
Выйдешь — и видишь перила,
А дедушка, как взберется, так скажет:
«Фу ты, дух захватило!»

А уж ступени! Прямо терпенья
Нету... Вот надоест-то —

Ступаешь, ступаешь, а эти ступени
Стоят себе, и ни с места!

А вот в Варшаве — Юрек не будет
Враты! Он вернулся в среду, —
Там, возле Замковой площади, люди
Вверх вместе с лестницей едут!

Нет, по правде, честное слово! —
Юрек дал честное слово! —
Только вот встанем, ступени сами
Вверх поползли — и готово!

А вниз он спускался — народу тыщи!
И парень с ним, каменщик, рядом...
Этакой лестницы тут не сыщешь!
Лестница, мам, что надо!

Не лестница — прямо кино такое!
А лампочек там! А света!
Словно плывет широкой рекою,
Как баржа, лестница эта!

И, хочешь, хоть птичку вези с собою,
Хоть волка, — ну в клетке, понятно! —
И разные люди весь день толпою
Плывут туда и обратно:

Приезжие, гости из заграницы,
А Юрек видал — ух, сила! —
Как целая школа из-под Швидницы
По лестнице вверх катила!

А каменщик этот сказал: «Да что нам,
Работать, как черти, будем,
А в городе нашем, непокоренном,
Жилье обеспечим людям!

Я после смены еду со стройки,
Работы у нас, брат, много —
Лестницу вот такую построй-ка!
Теперь она нам подмога!

Вон, погляди — на руки, на лица —
Тут каждый работает вдвое!
Мы для себя, брат, нашу столицу
Вместо развалин строим!

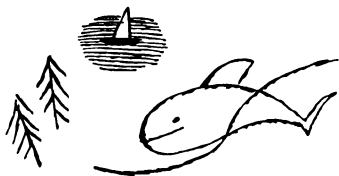
Чтоб окна Варшавы на солнце рдели,
Чтоб каждый жил как надо,
Мы дом возводим за две недели —
Сверкающую громаду!

А вон, гляди-ка, машин потоки
Мчатся, на солнце сверкая.
Проспект Сверчевского — нет дороги
Прекраснее в нашем крае.

С ним каменщик прямо провел беседу,
Кормил мороженым даже. . .
А я когда же туда поеду?
Когда же? Когда же? Когда же?

Вот если сдам хорошо экзамен,
Поедем? Теперь уж скоро! . .
И дедушка — ладно? — посмотрит с нами
Лестницу ту и город! . .

ВСТРЕЧА С МАТЕРЬЮ

Она впервые назвала мне месяц,
На елках первый снег
И первый дождь.

Я был не больше ракушки морской,
А платье черное на ней,
Как море Черное, шумело.

Ночь.
Где-то ноет комар упрямо.
Фитилек чадит, догорая.
Может, эти вот звезды в небе
Это ты, это ты, родная?
Иль на озере — белый парус?
Иль волна на пологом пляже?

Может, ты этой звездной пылью
Мне осыпала лист бумажный?

Может, ты — гудящие пчелки
В золотом августовском зале?
В камышах я нашел заколку
Для волос. Она не твоя ли?

Раскидали дряхлые ветви
Ольхи черные на трясине.
Рассвистелся на дудке ветер,
Сдунул звездочки в небе синем.

Пробежала серая мышка.
Филин прынул из-за перелесиц.
Ветер стих. И вышел неслышно
С желтой трубочкой круглый месяц.

Рассиялись в зареве желтом
Тучи, дупла, желуди, пуши,
Словно мир стал серебряной елкой,
Серебристой юлой поющей.

* * *

Лист дрожать начинает,
Птицы в тон подпевают,
Над лесами светает,
В сердце снег уже тает.

Листьям — жить и увянуть,
Птицам — петь и умолкнуть,
Солнцу — встать и сокрыться,
Сердцу — звезды и скрипка.

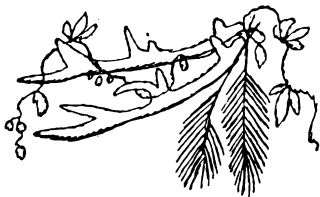

Ян Кохановский¹, тот, что может
Ударить ложкой — и встревожит,
И сразу запоет полмира,
И перья туч взлетят в простор,
Завоев волк, застонет бор,
Как бас Гомера и Шекспира.
Из лунных голубых озер
Всплывет дельфин, за ним — осетр,
И будут слушать леса шепот.
А там — копытец козых топот.
И дым душистый над костром —
Уха дымится разварная.
Про это Ян писал. И в нем
Моя запевка коренная.
И всё — все музы, и прибой
Бемолей, ритмов, рифм, и гром,
И месяц, бледный родич мой,
Что в телеграфных проводах
Запутывается порой. . .
Башмак оставил. . . Сам он светлый,
А мыслей нет в его башке.
Шнурок его длиннющей петлей
Запутался в моей строке.

---

¹ Ян Кохановский (1530—1584) — польский поэт эпохи Возрождения, «отец польской поэзии».

В ЛЕСНОЙ СТОРОЖКЕ

Здесь, где в едином хоре
Звезды готовы слиться,
Домик стоит на взгорье
С крышей из черепицы.
Это сторожка Пране —
С летней порой прощанье.

Хмель на рогах оленьих
Высохший цвет осыпал.
В окнах вечер осенний,
А в вечере столько скрипок,
А в скрипках, чуть только трону.
Жалоба вторит стону.

Бродит над озером ветер,
Трогает темные чаши.
День отпылал, и светит
Лампы огонь дрожащий —
Ласково и неизменно,
Как на столе Шопена.

Сколько тут ночью песен,
Сколько глухих рыданий!
В буклях серебряных месяц
Играет, как Бах на органе.
Дивен концерт, звучащий
В дикой ночной чаше.
Это сторожка Пране,
Музыки очарованье.

За окнами — говор сосновый,
За окнами — темные лапы.
Снова вечер. И снова
Мы зажигаем лампы.
Это сторожка Пране,
Сонной лампы миганье,
Стены в лунном сиянье,
Ночные воспоминанья.

Наискось, по откосам,
Катится ночи коляска,
Кучер клюет носом,
Конь ступает с опаской.
Лунного цвета дорожки,
Посеребренные дрожки.

Это сторожка Пране,
Ночи осенней скитанье.

Сыплются звезды с неба.
Прямо на крышу сторожки.
Вихрем искристого снега .
Звезды влетают в окошки.
Это в сторожку Пране
Хлынуло мирозданье.

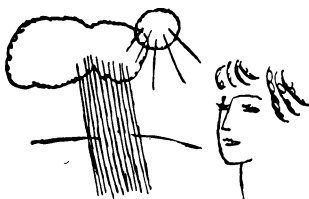
ОБРУЧАЛЬНЫЕ КОЛЬЦА

Тебе и себе самому в подарок
Вчера, во вторник,
Купил я колец обручальных пару
В «Ювелирторге».
Прежние ты продала за бесценок
В пору печали,
В сороковом, когда ночь и застенок
Нас разлучали.

Годы мечту нашу опередили,
Нынче — иное:
Мчусь из Москвы в быстрокрылом «Иле».
Кольца — со мною.

Тучи внизу — как весной в воскресенье
Девушки в белом.
Вот и граница — черта единенья,
А не раздела.

Вновь — твои руки, и губы, и веки,
Вновь я с тобою.
А помнишь стихи:
«Навеки, навеки
Будут кольца светить нам обоим»?

ЛИРИЧЕСКИЙ РАЗГОВОР

- Скажи, как меня ты любишь?
— Скажу сейчас...
— Ну?
— Люблю я тебя и на солнце. И при свечах.
Люблю, когда ты берет наденешь. Или шляпу.
Или платок.
Люблю тебя и в концерте. И на перекрестке
дорог.
В сирени. В малинике. В кленах.
В березовой чаще.
Люблю тебя спящей. Люблю работающей.
И когда ты яйцо разбиваешь так мило.
И даже когда ты ложечку уронила.
В такси. В лимузине. Вблизи. В дальней дали.

Люблю тебя и в конце улицы. И в начале.
В печали. На карусели. И когда ты идешь
пешком,
И когда ты расчесываешь волосы гребешком.
В море. В горах. В калошах. Босую.
Нынче. Вчера и завтра. И днем и ночью
люблю я.

И когда ласточки прилетают весной.

— А летом как меня любишь?

— Как летний зной!

— А осенью, когда капризы и всякие штучки
и тучки на горизонте?

— Люблю, даже когда ты теряешь зонтик!

— А зимой, когда снег серебрист на оконной
раме?

— О! Зимой я люблю тебя как веселое пламя.

Быть у сердца люблю твоего. Близо. Рядом.

А за окнами — снег. И вороны под снегопадом.

БЫТЬ БЫ ЛУННОЙ ПЫЛЬЮ

Быть бы лунной пылью на твоих подошвах,
Небом над тобою, ветром в легких лентах,
Молоком в стакане, тропкой средь ромашек,
Креслом, где сидишь ты, книжкой, что
читаешь. . .

Воздуху подобно, всю тебя обнять бы,
Временами года быть для глаз любимых,
Быть огнем в камине и надежной крышей,
Если дождь случится. . .

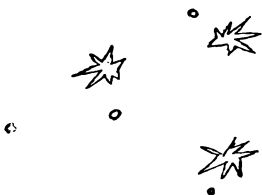

ПЕСЕНКА

Есть у меня гитара,
И ты, и эта тишь,
И три запевки старые —
Сыграю, коль велишь.

Одна — как месяц ясный,
Другая — дождь весной,
А третья — та прекрасней
И первой и второй.

Люби меня, родная,
Я знаю лишь тогда,
Что зори есть на небе,
В твоих глазах — звезда.

ЧЕМ ЖЕ Я ВИНОВАТ?

Чем же я виноват, что плутал я так много,
Чтоб в конце до тебя добрести,
Чтоб в конце догадаться, что ты — и дорога,
И поляна, и звезды, и стих? . .

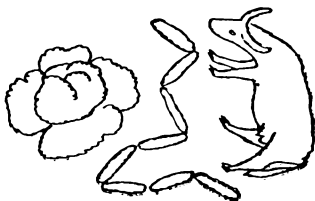
Чтоб в конце догадаться, что смех
ручейковый —

Это ты, и гроза — это ты,
И Церера¹ в сиянии поля ржаного,
И ветра, что колышут цветы. . .

---

¹ Церера — у древних римлян богиня земледелия и плодородия.

СОН ПСА

Цветной капусты в поле
Хватает на всю жизнь —
Знай нажирайся вволю,
Да костью не давься!
Ужо набью я брюхо
Капустою цветной.
О, вольная житуха!
Я чудный пес цепной!

И ждет меня в алькове,
Коль я туда зашел,
На четырех воловях
Копченых ножках стол.

Сжираю все четыре —
Осталась лишь доска.
В прекрасном этом мире
Неведома тоска.

По лугу ходят телки,
Их всех шестьдесят шесть —
Сосиски, да и только,
Их взять бы да и съесть,
Так разом все сцепленье,
Аж в километр длиной.
О, чудное мгновенье,
О, мир прекрасный мой!

На горке лес дремучий.
Стволы как колбаса,
И вереск в нем пахучий,
Как соус, разлился.
Я этот лес сжираю,
По мискам соус лью.
Живи, не умирая!
О, слава бытию!

Но — осень! С каждой ветки
Дождинки — кап, кап, кап.
Чу! С веточек котлетки
Летят. Но прочь из лап
Их вырывает ветер,
В глаза мне брызжет жир.
Свинячий месяц светит.
О, что за свинский мир!

НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Шляпы. Шляпы больших и малых
Номеров. Битый час примерял их:
Ни одна не пришлась мне впору.

«Где же средние номера-то?
Вот для нас? Для нашего брата?» —
С продавщицей затеял ссору!

Кто там напевает в очереди
Из Моцарта ариозо?
Серебряные очи у него
И локоны из мороза?

Недурно поет, пожалуй;
Должно быть, он нынче в духе. . .

К прилавку все ближе — шалый
Чудак серебристоухий.

Он радостно напевает,
И вот что необыкновенно —
Голова его то разбухает,
То съеживается мгновенно.

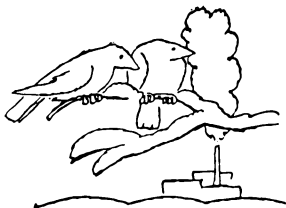
Поэтому столь отменно
Все фетры и все велюры
Приспосабливаются к переменам
Объема его шевелюры!

Ну, а покупатели прочие,
Голоса понижая, спорят:
Дознаться желает очередь,
Что это за фантасмагорья?!

И чем это он? Электричеством?
Уколами?! Черта с два!
А он: «У меня ж эластичная,
Безразмерная голова!

Порой она больше тыквы
И в форточку вовсе не лезет;
Порой она меньше дыньки
И тоньше бритвенных лезвий.

А впрочем, я ее снова
Могу увеличить раз в десять...»
«Так кто же вы, право слово?!»
«Луна, в просторечьи — Месяц!»

СТИХОТВОРЕНИЕ О ВОРОНАХ

Искрится воздух синий,
Впаяны в хрупкий иней
Сумрачные вороны;

В искрящейся кудели
Будто оцепенели
Птицы на ветви сонной.

В поле речушка смолкла,
Взмыв посреди поселка
Дым над трубой завода.

И на ворон вороны
Смотрят замороженно
В заводах небосвода.

Их превратить бы в ноты,
В звучные перелеты
С четырехструнной деки.

Вот ведь какая мука
В снежных ветвях без звука
Виснуть веков вовеки!

Синью под звездной сенью
Лоснится оперенье,
Ветер смежает очи.

Баюшки-баю-баю,
Речка моя голубая,
Птицы, спокойной ночи!

ОБМАНЧИВАЯ ПОПУЛЯРНОСТЬ

В одно прекрасное утро
(Сравнимое только со скрипкой!)
Я вышел себе на прогулку,
Сияя блаженной улыбкой.

В беседках под сенью воскресной
Наяривали оркестры.

Но что меня изумило
И даже, признаться, встревожило,
Это, что очень мило
Мне улыбались прохожие.

На лицах проезжих и пешех
Прочел я всю гамму усмешек.

Вот, думаю, в самом деле,
Что же это? Популярность!
Всенародная популярность!
Популярность в широких массах!

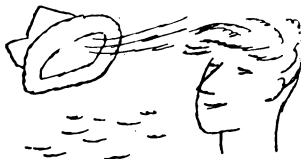
Ужель мои сочиненья
И впрямь облетели свет?
О, небо! О, наслажденье!
О, радость! Ликуй, поэт!

А может, уже — крылато,
По радио — всем, всем, всем:
«Приветствуем лауреата,
Творца бесподобных поэм?!»

Уже мои свежие лавры
Пышней вековых баобабов...
В груди громыхают литавры:
Триумф исполинских масштабов!

Прохожего огорошил вопросом жадным.
А тот, взирая несколько косо,
Ответил: «Вы из дому вышли с ГРОМАДНЫМ
ЧЕРНИЛЬНЫМ ПЯТНОМ НА КОНЧИКЕ
НОСА».

ЕСЛИ БЫ У МЕНЯ БЫЛО ОДИННАДЦАТЬ ШЛЯП

Если бы у меня было одиннадцать шляп,
Первую, чтоб не пылилась, я бы спрятал
в шкаф,

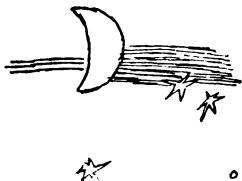
А вторую бы по почте отослал в пакете;
Всяческие безделушки сваливал бы в третью.

Четвертую шляпу употребил бы для
магических фокусов и тому подобного.
Пятой сыр прикрывать и масло было бы
удобно.

Дал Ядвиге бы шестую,
А седьмую бы повесил, пусть не треплется
впустую.

Переделал бы восьмую в абажурчик славный,
А в девятой, коль не ежик, тварь другая бы
жила в ней.

Для десятой примененья до сих пор я не
измыслил,
А одиннадцатую ветер пусть сорвет с меня
на Висле,
Потому что одна краковская поэтесса сказала
обо мне такие слова:
«Это голова не для шляпы. Монументальная
голова!»

НЕБО

1

Проживаю я в мрачном квартале,
Что ни день, там скандал на скандале,
Всюду надписи бранные,
Вечно дворники пьяные,
Потасовки, и горе, и мрак.
Но лишь улица уgomонится,
В небе звезды горят, как мониста.
Подхожу я к окошку
И пою понемножку,
И звучит приблизительно так:

Не везде, как на небе, сладко.
Жаль, что редко приходит догадка,

Что совсем не напрасно
Звезды светят так ясно
Для тебя на ночных небесах.
Чтобы мог ты с надеждой проснуться,
Вот для этого звезды смеются,
Вот для этого именно
Что ни ночь с неба синего
Эти звезды на землю глядят.

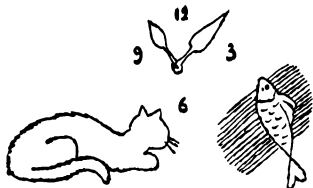
2

Я вчера перессорилась с Яном,
Янек грохнул со злости стаканом,
Кулаками ударил о стол
И пошел, и пошел, и пошел, —
И честил и стакан и весь свет.
Видно, скука томит его злая.
Парня за руку тихо взяла я,
Говорю ему: «Лучше
Погляди-ка на тучи,
Погляди-ка в окошко на свет».

Не везде, как на небе, сладко.
Жаль, что редко приходит догадка,
Что совсем не напрасно
Звезды светят так ясно
Над тобою в ночных небесах.
Чтобы мог ты с надеждой проснуться,
Вот для этого звезды смеются,
Вот для этого именно
Что ни ночь с неба синего
Эти звезды на землю глядят.

Очень, в сущности, трудно дознаться,
И чего эти люди боятся,
И чего огорчаются —
Есть ли повод отчаяться,
Ведь бывали и худшие дни.
Нынче ж день пролетает в работе,
Вот и небо в ночной позолоте!
Ходишь с Польшею об руку
И небесному облаку
Так поешь ты со всеми людьми:

Не везде, как на небе, сладко,
Жаль, что редко приходит догадка,
Что совсем не напрасно
Звезды светят так ясно
Над тобою в ночных небесах.
Чтобы мог ты с надеждой проснуться,
Вот для этого звезды смеются,
Вот для этого именно
Что ни ночь с неба синего
Эти звезды на землю глядят.

ВАРИТСЯ ОБЕД

Это напротив. За стеклами окон
Две кухарки и кухни угол;
Одна, некрасивая, чистит окуня,
Другая, — красивая, подбрасывает уголь.
Ходики с гирями, с головой орла,
Кот мурлычет и щурится на гири,
Двадцать котлов, а из каждого котла
Запахов двадцать четыре.
Я прихожу сюда, напеваю,
И каждый котел бормочет,
Что в столовой обед поспевает
Для веселых усталых рабочих.

Истаивая от любви и печали. . .
Ну, а картонные злобно молчали.
Вдобавок порой из небесного лона
Теплехонький дождичек лился,
В итоге чего
В соловьях из картона
Какой-то там клей
Растворился.

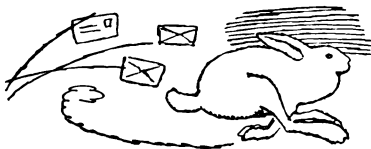
Вмиг лапки и клювики их отвалились,
Ах, дождик, нестати из тучи ты вылез!
Устроил отчаянные беспорядки!
(Морально-беспочвенный, нравственно-
шаткий,
Босяк, он на всякие пошлости падок. . .
Ну, что с него взять?!

Атмосферный осадок!)

А настоящие соловьи были иного мнения:
Не то чтобы в дождик — и в град — они
не прерывали пения!
Так шли дожди и мелькали ночи,
И плакали вихри меж трав и мурав,
И картонные были первыми в очереди,
Когда Месяц выплачивал гонорар.
И Месяц осведомился: — Это вам за
пение? —

А картонные брякнули очень внятно:
— Вот еще! Мы не певчие! Мы просто гении!
— Как, простите?
— Гении.
— Ну, тогда все понятно. . .

ТРУБЫ ПРАЗДНИЧНОЙ ПОЧТЫ

Ежечасно во весь опор
Мчится почта сквозь черный бор.
Это не диво, — под праздник всякий
Сходит с ума, норовит в писаки.
Яцек, не бравший в руки пера,
Сотню открыток отправил вчера.
Пишут Адам, Алоизий и Маня.
Распространилась приветомания.
В Кракове нынче — видел я сам —
Ящик почтовый лопнул по швам.
Вы не видали, как лопнул? Да что вы?
Писем на целый вагон почтовый!
Речка и мост промелькнули, и скоро
Въедет почта в знакомый город.

Мчатся, как зайцы, снежные дали.
Трубы веселые вдруг заиграли.
Письма, пакеты в фургоне почтовом.
С праздником, граждане! С годом Новым!

В почтовой конторе четыре оконца,
Девушка — в каждом, прекрасна, как солнце.
Пожалуйста, девушка! Надобно мне
Письмо заказное отправить жене.
«... Случилось, Марыся, такое дело:
На днях канарейка в окно улетела,
Кот наш рыбку сожрал золотую,
Метель сумасшедшая. Нежно целую...»
А вот телеграмма для пана Ансельма,
Пусть деньги скорей высылают нам шельма.
А в этой посылке лежат корнишоны,
Ахнет от радости дед пораженный.
Еще бы! — посылку на праздник получит,
Приятно, что помнит о дедушке внучек.
Закусит старик — корнишоны на славу.
Посылка в Лодзь, телеграмма в Варшаву.
Девушка — ангельское создание.
С праздником! До свиданья!
В полдень, и в полночь, и утром рано
Почта работает беспрестанно,
Летят телеграммы и денно, и ночью.
Почта, граждане! Почта! Почта!
Столбы вдоль дорог, вдоль берез провода.
В села депеши и в города.
В сторону, зайцы! С дороги, вороны!
Гонит водитель. Спешат почтальоны.
Письма из Вроцлава, письма из Вармии,

Это для штатских, а это для армии.
В Щецине ждут поздравленья и в Бресте,
Летят по свету добрые вести;
И, как весной полевые ромашки,
Рожки золотые горят на фуражке.
Почта! Почта! Сквозь даль, сквозь ненастье!
С Новым годом! И с новым счастьем!

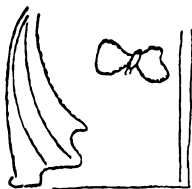
Где-то в доме настраивают пианино,
И на стол накрывают в соседней квартире,
А на улице — у-у — просто дьявольская
мешанина:

Сколько снежинок! —
Миллиарда четыре!
С депешей, с письмом письмоносец бредет
В густой метели, в сумраке редком.
И так всю жизнь, из года в год,
Мелькает он белкой по лестничным клеткам.
И только меняется место и фон:
В деревне — петух, а в столице — неон.
И снова посылка, и снова доплата,
И снова — выбыли, нет адресата.
Что хочешь пошли для друзей и родных —
Сердце, штиблеты и стих:
«Люблю я тебя сколько зим, сколько лет!
И трудно с тобой, и легко мне.
Лет восемь люблю, а быть может, и нет,
Быть может, и девять, не помню.
Все спуталось. Вижу себя в тебе.
Мне кажется часто и снится,
Что ты — ежедневная стойкость в борьбе,
А я — нежный взор и ресницы».

Может сердце мое разорваться — бывает
такая беда!

Вспоминайте, друзья, обо мне иногда,
Дескать, жил человек непутевый.

Ветру бросьте мый прах,
В Вислу бросьте перо,
Сердце — в ящик почтовый.

ПРИГЛАШЕНИЕ НА ПРОГУЛКУ

I

Суббота. И мир так светел.
Вот уже скоро три.
В окна врывается ветер,
А с ним мотылек, смотри!

От ветра весны хмелею,
Нынче не петь нельзя.
Скорее, скорее, скорее
Из города прочь, друзья!

Хлынул гомон субботы
По весенней земле.
Я дела и заботы
Запираю в столе.

Где-то пахнет сиренью
И пестреют цветы.
Слышно иволги пенье,
Пой и ты, пой и ты.

II

Заглянешь в леса густые —
Сколько там юных снов!
Будем бродить босые
И шляпу забросим в ров.

Как славно встретиться с ветром,
С ветром запеть в пути.
Миром широким и светлым
Весело нам идти.

Хлынул гомон субботы
По весенней земле.
Я дела и заботы
Запираю в столе.
Где-то пахнет сиренью
И пестреют цветы.
Слышно иволги пенье,
Пой и ты, пой и ты.

III

Когда же туман вечерний
Поднимется над рекой,
Мы к романтической харчевне
Выйдем тропой глухой.

Будет сверчок за камином
На скрипке своей пилить,
А полный месяц над миром
Будет сквозь тучи плыть.

Хлынул гомон субботы
По весенней земле.
Я дела и заботы
Запираю в столе.
Где-то пахнет сиренью
И пестреют цветы.
Слышно иволги пенье,
Пой и ты, пой и ты.

СЕРЕБРЯНОЕ И ЗОЛОТОЕ

В доме золотые стены,
В доме дверка серебрится.
И на дверку непременно
Сядет маленькая птица.

Старый мастер Бенвенуто ¹
Делал птичек из металла.
В дверцу каждую минуту
Птица клювиком стучала.

Серебро в ответ звенело,
Как дворцы в волшебной сказке...

---

¹ Бенвенуто Челлини (1500—1571) — знаменитый итальянский скульптор и золотых дел мастер.

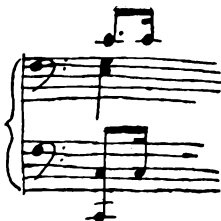

Золотым лягушкам делал
Он серебряные глазки.

Дом и башенку витую —
Целый мир руками создал,
Даже землю золотую
И серебряные звезды.

Но однажды как-то в щелку
Сквозь серебряную дверцу
Смерть прокралась — и замолкло
Золотое это сердце.

Долго плакали над старым
Дел серебряных артистом. . .
Золотым владел он даром,
Тихим светом серебристым.

МОГИЛА БЕТХОВЕНА

Здесь он спит, погребенный,
Здесь — могила артиста.
За пригорком зеленым
Горизонт серебрится.
Над лучистой чертою —
Только небо ночное.

На пригорке вплелись
В цепь неясных растений
Ольх дрожащие листья
В голубой светотени,
Освещающей холмик.
Там — великий Бетховен.

Над могилою птицы
Пролетают к закату.
Здесь дрозды и синицы
Песнь поют музыканту.
Смолкнут щебеты птичьи —
Дождь звенит мелодичный.

Он с высот ниспадает,
Землю топчет сердито,
И деревья сгибает,
И бушует в ракетах.
Холм, деревья, ракиты
Мглою дождливою скрыты.

Если ж в облачных срезax
Острый месяц проглянет,
То к ограде железной
Льнет серебряный глянец.
Как фонарь среди листьев,
Холм плывет серебристый.

На могилу приходят
И приносят букеты,
За любовь в каждой ноте,
За сонаты, квартеты.
На венке у надгробья:
«Музыканту, герою. . .»

Время пальцем огромным
Крутит зимы и весны.
Над пригорком зеленым
Солнце — днем, ночью — звезды.

Лентой пурпурно-мглистой
Связан холм с тучей низкой.

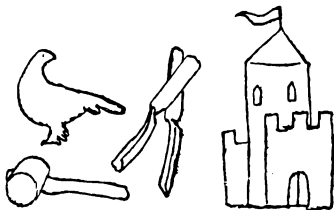
Над могилою дети —
Скрипачи, пианисты,
Наклонившись, букетик
Или горсточку листьев
В дар оставив артисту,
Улетают, как искры. . .

И на всех языках там —
Реквием — на просторе,
И вокруг музыканта —
Благодарности море.
На могиле чуть вечер
Загораются свечи.

В декабре воцарится
Здесь печаль запустенья.
Не летают здесь птицы,
Спят под снегом растенья.
Ветер тихо застонет,
Ленту черную тронет. . .

Боль недолго здесь длится,
Тают эти мгновенья.
Вот уж снова стремится
Кто-то благоговейно
Сердца помыслом каждым
К этим звукам отважным.

Над могилой заветной —
Блеск звезды предрассветной.

ПЕСНЯ О ВИТЕ СТВОШЕ¹

Как родился сыночек
Зимним вечером синим,
Не гадала, что век свой
Биться с деревом сыну.

Ох, туча прошла бы мимо...
Я тебя заслону, родимый!

Не ждала, что решится
В путь далекий пуститься,
Что из дерева выйдут
Люди, звери и птицы.

---

¹ В и т С т в о ш — выдающийся польский скульптор XV века, прославившийся своими работами по дереву.

Ох, туча прошла бы мимо...
Я тебя заслоню, родимый!

И пошел за звездою,
Ночью, в дальние дали,
Только реки да башни
По дороге мелькали.

Ох, туча прошла бы мимо...
Я тебя заслоню, родимый!

«Ладно, — вздыхал порою, —
Так уж в мире ведется...
Лишь бы дерево было,
Да резец и долотца!..»

Ох, туча прошла бы мимо...
Я тебя заслоню, родимый!

В мякоть липы глубоко!
И из чурки готовы:
Голубок для влюбленных,
Для ученых — совы.

Ох, туча прошла бы мимо...
Я тебя заслоню, родимый!

Ветер крепнет, сыночек,
И разбой на дорогах!
Ой, как тонок мосточек,
А река-то в порогах!

Руку, руку подай мне, мать,
Мне алтарь теперь вырезать.

Лампа всю ночь коптит. . .
Уж не беде ль случиться?
Ох, не уйдешь от копыт —
Улицей конь мчится! . .

Матушка, дорогая,
Я гриву коню выстругаю.

И стремя сияет златом,
И благовещение — глянь-ка! —
И замо́к зубчатый,
И овечки на полянке.

Ох, туча прошла бы мимо. . .
Я тебя заслоню, родимый!

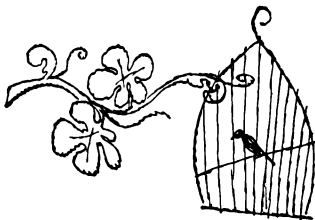
Видишь? Тут Ян и Мария,
Ветер им треплет оде́жу. . .
И звездочки — вон, смотри! —
И ветер я выстругал тоже! . .

Ветер тучи к нам гонит, родимый!
Не ходи в Нюрнберг, не ходи. . .

Но пошел он. Сквозь ливни. Смело.
Как Давид. В песне гнев свой славил.
Все, что лучшего в жизни сделал,
Все он Польше оставил.

А сердце свое в подарок,
Как на яблоне яблоко, — Кракову.
Умер он в Нюрнберге.
Никто по нему не плакал.

Ох, туча. . .

ПРАЗДНИЧНАЯ НОЧЬ ИОАННА СЕБАСТЬЯНА БАХА

Все семейство выехало в Гаген,
Я один во всем огромном доме,
Меряю шагами галереи.

Мне забавны — отблеск позолоты,
Пеликаны те резной работы,
Облака, что мчатся в эмпиреи.

Как люблю я тучи! И хмурый свет в округе.
Словно крепости. Или мои большие фуги.

Хорошо, когда нас оставляют в покое,
Когда мы с Музыкою — двое.
Словно лес осенний горит в шандале злаченом.

Сегодня пасхальный вечер. Звон откликается
звонам.

О, нынче весело сердцу!

В старых шкатулках старые письма,
Листья засушенные когда-то!
Как славно перебирать свои давние думы.
О праздничный час, серебристые шумы!
Золотые столпы вдохновенья! Кантаты!
В бархат зеленый одет,
Шатаюсь по этим залам,
Шагами лестницы беспокою.

О, еще до вечера времени пропасть,
Чтобы мурлыкать, напевать, чтобы топать,
Чтобы течь заколдованной рекою.

Темные, как ночь, портреты приветливы
в залах,
Посмотришь издали — тень их кутает
в покрывалах.

Забавно, что кто-то меня называет
мастер,
Говорит: в кантатах моих я небу диктую
законы.

Как жаль, что с моим дроздом они совсем
незнакомы,
Ах, что это за дрозд — свистать он великий
мастер!

Завидую я ему! И вам, облака и воды!
Тебе, течение реки! Всем полным звукам
Природы!

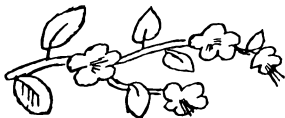
Гляньте на эти затейливые рисунки,
На эти кресла, где спинка резная,
На эти все золоченые штуки,
На клетки, где поющие попугаи,
На облака, летящие, как феллуки
Под ветрами южного края.
Все здесь память, все напоминанье
Обо мне, об Иоганне Себастьяне.
Говорят, что я стар. Как древние реки.
Что время из рук моих утекает навеки.
Да, много его ушло без пользы, я знаю.
Но, дьявол, пусть это так! Еще мои струны
не вялы!

Еще, черт дери, существуют мои хоралы.
И не время меня — я его побеждаю!

Вот вернется семейство. И шум будет бальный.
Отразятся дочери в глуби зеркальной.
И гости нагрянут — они у нас не редки.
Я вкусно поем. И выпью степенно.
И ударит в струну пастушок с гобелена.
А потом придет вечер. Я скроюсь в беседке.

Ведь лучше всех скрипок моих,
На которых играл я в Веймаре,
И всех жемчугов, что хранил я в футляре,
Чем сонаты моих сыновей, чем мечты и
виденья, —

Этот сладостный миг, этот миг вдохновенья,
Этот миг, когда видишь сквозь ветки и купы
Небывалый, огромный, неистовый купол —
Это звездное, это весеннее небо.

РАЗГОВОР С АКТЕРОМ

Вышел только что —
Дым от его сигареты
Наполняет всю комнату.

Тень его жестов
Не сбежала со стен.

Репродуктор льет Баха.
В небесах — полнолуние.

Все хожу. Разговор вспоминается
снова и снова,
И афинской дубравой шумит в голове его
слово.

Он о роли сказал,
Что хотелось бы зрительный зал
Так настроить, как скрипку
(Наш национальный инструмент).

Вот что снится ему временами:

Сцена. Пара свеч.

Нет, не больше.

Но при свете тех маленьких свеч —

Настоящее дело,

Которое сердце б задело.

Пьеса, скажем, «Варшава».

И слово за словом проплывает облаком

светлым,

Словно вешним гонимое ветром,

Пока люди не встанут с мест,

Потрясенные тем, что увидели,

И ОСТАНУТСЯ В МИРЕ ТОЛЬКО АКТЕР
И ЗРИТЕЛИ.

— Ты напишешь такую вот роль для меня?

— Я попробую. Можешь рассчитывать на
меня.

Искусство — вечная весна.

Искусство — теплый ветер,

От которого тают снега.

ПЕСНИ

I

Только выйдешь ты из дому,
Тут же следом за тобою
Август, шелестя листвою,
Двинет по лесу ночному.

И тебя у всех обочин
Шумом крыльев птицы встретят.
Светишь ярче ты, чем светят
Звезды августовской ночи.

В храме ночи ты орнамент,
Ты сверкаешь, как зарница.
Сыплешь щедрыми руками
Зерна света, как пшеницу.

За тобой твой плащ влачится —
Словно небо, бесконечный,
И крикливый, точно птицы,
Он горит росой Млечной.

Ты парение и хмурость
Туч, осоки шелестенье.
Глаз твоих печальных мудрость
Уберечь бы от забвенья.

II

Над столом своим склоненный,
Лунным светом озаренный,
О руках твоих пишу я,
О душе твоей пишу я.

Голос твой — печали сладость.
Губы — и хмельны и терпки.
Ты мой пир, ты грусть и радость.
Я твой гость и виночерпий.

Облако — твой облик милый.
Даль и небосвод высокий.
Обмакнув перо в чернила,
Я выстраиваю строки.

Чтобы строки те шумели,
Стали запахом и цветом.
Чтобы строки те сумели
Стать правдивейшим портретом.

Запахи, цвета и звуки
Вдаль несет времен течение.
Дорогие твои руки
Убережь бы от забвенья.

III

Сколько стежек, сколько тропок
Пробежало под ногами?
Сколько ливней, снегопадов
Фонари видали с нами?

Сколько писем, расставаний,
Расстояний, страшных мелей?
И упорства — расстояний
Не страшась, дойти до цели?

Сколько лет в трудах бессонных?
Общих горестей, стремлений?
Сколько хлебов разделенных?
Ласк? И книжек? И прозрений?

Сколько лун в оконной раме?
Сколько песен и метелей?
И стихов? И вечерами
Встреч с Бетховеном? С Корелли? ¹

У тебя глаза что свечи,
Сердце — вечное волненье.
Эти свечи, это сердце
Убережь бы от забвенья.

---

¹ Корелли Арканджело (1653—1713) — известный итальянский скрипач, композитор и дирижер.

IV

Вот наш день обыкновенный,
Наше малое свершение,
Труд упорный, неизменный,
Вечное преображение.

Всходит солнце, бродит сусло.
Почки лопаются дружно,
Мы действительности русло
Изменяем, как нам нужно.

Мы частица в коллективе,
От него плывет к нам сила —
Чтобы хлеб возрос на ниве,
Чтобы лампа нам светила.

Пусть наш век зарею брызнет,
Отблеск будущему бросит.
Мы, жена, стоим у жизни,
Как ткачи стоят у кросен.

День за днем на нашей ткани
Ткем узор для поколенья.
Ламп сегодняшних сверканье
Убережь бы от забвенья.

V

Музыка для нас с тобою
Будет навсегда желанна.

Любим мы гобой с трубою,
И кларнет, и фортепьяно.

Вот подсвечник. И, конечно,
В нем стоит свеча большая.
Служит нам она прилежно,
Свету в звуки добавляя.

Точно огненное сердце,
У приемника пылает.
Бранденбургского концерта ¹
Звуки в комнату вливаются.

Разгораются как угли
И бросают отблеск странный
На серебряные букли
Иоганна Себастьяна.

Кантор ляйпцигский над нами
Ласково смеется в раме.
Все подобные мгновенья
Уберечь бы от забвенья.

VI

Мы с тобой не расточаем
Красоты земной. Ведь сами
За нее мы отвечаем
Перед миром и веками.

---

¹ Бранденбургские концерты — шесть концертов для камерного оркестра немецкого композитора Иоганна Себастьяна Баха.

Гул работы нам с тобою
Дорог, точно дождь весенний.
Мы сроднились с красотой
Механизмов и растений.

В серебристых кинозалах
В пору, когда вьюга бредит,
Мы сидим среди усталых,
Их усталые соседи.

Тьма сгустится, вновь растает,
И, покуда солнце живо,
Труд прекрасное рождает,
Чтоб оно труду служило.

Ночь. Танцующих снежинок
Нежные прикосновенья.
Снег на волосах любимых
Уберечь бы от забвенья.

VII

Выполнена часть работы,
К ней добавлена частица,
И опять, как будто в соты,
Внесена еще частица.

Так под нашими руками
Станет мир неузнаваем.
К четкой стройности мы сами
Хаос мировой толкаем.

Вечной этой глине рады
Наши жесткие ладони.

Труд кипит. Встают громады
Зданий, песен и симфоний.

Ночь. Все ели в снег обуты.
Ветви под снегами скрыты.
Звезды на небе, как будто
В глубине огромной скрипки.

Звезды и тысячелетья.
Стекла в голубом свеченье.
Этот снег и стекла эти
Убереечь бы от забвенья.

VIII

На мосту над белой Вислой
Белый танец снегопада.
На мосту над белой Вислой
Закурилась балюстрада.

Нам с тобой фонарь кивает
Заснеженной головою.
Остановка. Ждем трамвая
Мы с тобою. Только двое.

С неба хлопья, как листовки.
Скрыт под снегом путь трамвайный.
Мы стоим на остановке
Посреди зимы бескрайной.

Парочку б ворон поставить
Здесь, на набережной этой,
И беседовать заставить
О возвышенных предметах.

Пусть стоят. Пусть ветер гонит
Хлопья, тучи и сомненья.
Я и карканье воронье
Уберег бы от забвенья.

IX

Я пишу тебе, родная,
Из сторожки. Стол и лавка.
В синих окнах глушь лесная.
На столе пылает лампа.

Синих сумерек потоки
Хлынули ко мне в сторожку.
Дверь открылась. На пороге
Мать лесничего с лукошком.

Словно от недуга злого,
Потемнела от заботы:
«Нынче, проше пана, снова
Слышно в небе самолеты.

Я, конечно, понимаю,
Что не враг ведет машину,
Но невольно вспоминаю
Ту тяжелую годину».

Мать, не бойся, вас на свете
Миллиард в одном стремленьи!
Скорбные морщины эти
Убережь бы от забвенья.

X

Вы простите, люди, если
В песнях дал я слишком мало.
И простите, если песни
Нес не те, что надлежало.

И что в них красот избыток —
Птиц, лесов. И что несметно
Бахов, свечек, лун забытых,
Звезд и всяческого света.

Что ж, люблю я свет. Немало
Света в мир несет искусство.
Если б сил моих достало,
Стал бы мир единой люстрой.

Думаю, затем-то в мире
И живут стихи и песни,
Чтобы плыл рассвет все шире
В неделенном поднебесье.

Свет и в городе великом,
И в заброшенной деревне, —
Это Эос с гордым ликом,
Ликом труженицы древней.

Мы спешим. Спешит дорога
Вдаль, не зная утомленья.
Легкий след свой на дорогах
Уберечь бы от забвенья.

Лесная сторожка Пране, 1953.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Варшава. Перевод Ю. Вронского	11
Ольштынская хроника. Перевод Ю. Вронского	13
Идут дети. Перевод Ю. Вронского	20
Перед Мавзолеем Ленина. Перевод М. Живова	22
Варшавские голуби. Перевод Д. Самойлова	23
Астурия. Перевод Б. Слуцкого	25
Призыв, летящий по свету. Перевод Б. Слуцкого	27
Девочка. Перевод Ю. Вронского	29
Реквием ли? Перевод Б. Слуцкого	31
Две гитары. Перевод Д. Самойлова	34
Нынче радость в Варшаве. Перевод А. Эппеля	36
Лестница. Перевод А. Гулыги	39
Встреча с матерью. Перевод Д. Самойлова	43
В лесной сторожке. Перевод Ю. Вронского	48
Обручальные кольца. Перевод А. Ревича	51
Лирический разговор. Перевод Л. Мартынова	53
Быть бы лунной пылью. Перевод Ю. Вронского	55
Песенка. Перевод Д. Самойлова	56
Чем же я виноват? Перевод Ю. Вронского	57
Сон пса. Перевод Л. Мартынова	58
Необычайное происшествие. Перевод А. Голембы	60

Стихотворение о воронах. Перевод А. Голембы	62
Обманчивая популярность. Перевод А. Голембы	64
Если бы у меня было одиннадцать шляп. Перевод Л. Мартынова	66
Небо. Перевод Д. Самойлова	68
Варится обед. Перевод А. Эппеля	71
Басенка о соловьях. Перевод А. Голембы . .	72
Трубы праздничной почты. Перевод А. Ревича	74
Приглашение на прогулку. Перевод Ю. Вронского	78
Серебряное и золотое. Перевод Э. Миркиной .	81
Могила Бетховена. Перевод М. Ярмуша . . .	83
Песня о Вите Ствоше. Перевод А. Гулыги . .	86
Праздничная ночь Иоганна Себастьяна Баха Перевод Д. Самойлова	89
Разговор с актером. Перевод Б. Слуцкого . .	92
Песни. Перевод Ю. Вронского	94

Для старшего возраста
Галчинский Константы Ильдефонс
ВАРШАВСКИЕ ГОЛУБИ

Стихи

Ответственный редактор Г. В. Языкова. Художественный редактор С. И. Нишня. Технические редакторы М. Я. Басс и Э. В. Тишина. Корректоры Н. М. Кожемякина и К. П. Тягельская.
Сдано в набор 21/VIII 1962 г. Подписано к печати 4/XII 1962 г.
Формат 70×90¹/₃₂. Печ. л. 3,31. Усл. печ. л. 3,87. Уч.-изд. л. 3,17.
+ 1 вкл. = 3,22. Тираж 35 000 экз. ТП 1962 № 603. Цена 35 коп.
Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

2-я фабрика детской книги Детгиза Министерства просвещения РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7. Заказ № 714.

